

Т.А. Чикишева^{1,2}, А.В. Зубова^{1,3}, Н.Н. Рахимова¹, П.В. Волков^{1,4}, Д.В. Поздняков^{1,2}

¹Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия;

²Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

³Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия;

⁴Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НЕОЛИТИЧЕСКОГО ПОГРЕБЕНИЯ НА ПАМЯТНИКЕ ПОМАЗКИНО-III (Средняя Колыма)*

Проведено комплексное изучение палеоантропологического материала из погребения 2 комплекса Помазкино-III, находящегося на правом берегу Колымы в ее среднем течении. Памятник отнесен к ымыяхтахской археологической культуре (радиоуглеродная дата 3065 ± 65 л.н.). В погребении захоронена женщина 18–20 лет. Констатируется принадлежность погребенной к монголоидной расе, описана специфика комплекса ее краниологических особенностей. Аналогии этому комплексу обнаружены на женских черепках из погребений конца III – начала II тыс. до н.э., расположенных в бассейне среднего течения Селенги, и по реконструированным «взрослым» размерам на черепе девочки из памятника Каменка-II (Средняя Колыма). Рассмотрена возможность его отнесения к особому антропологическому типу в составе байкальской группы. Сделано предположение о допустимости существования межпопуляционных контактов, обусловивших обмен женским контингентом среднеселенгинских и среднеколымских популяций. Одонтологический комплекс среднеколымской популяции ымыяхтахской культуры также отличается морфологическим своеобразием на фоне других известных нам ее представителей. Выявлены следы патологических процессов на черепе и позвонках женщины из Помазкино-III, реконструирована их этиология. Локализация энтесопатий на костях посткраниального скелета свидетельствует о повышенных нагрузках на вытянутые и поднятые руки, что, может быть, связано с вовлечением с юных лет женщины в занятия охотой и рыболовством (владение арканом и копьём).

Ключевые слова: Северо-Восточная Азия, ымыяхтахская культура, байкальская группа антропологических типов, краниология, одонтология, палеопатология.

DOI: 10.14258/tpai(2017)4(20).-09

Введение

Заполярье Северо-Восточной Азии является зоной практически непрерывного распространения многолетней мерзлоты [Давыдова и др., 1966, с. 112] и предельно экстремальных климатических условий с крайним дефицитом тепла. Тем не менее археологические данные свидетельствуют, что освоение этого региона популяциями людей происходило на протяжении тысячелетий, начиная уже с финального этапа плейстоцена (стоянка на реке Яна (72° с.ш., возраст 28,5–27 тыс. л.н. [Питулько и др., 2012]); местонахождение Берелёх на р. Индигирке (71° с.ш., возраст 13–12 тыс. л.н. [Мочанов, 1977]), продолжаясь в мезолите (поселение на острове Жохова в архипелаге Де-Лонга (Новосибирские острова), 76° с.ш., возраст 8 тыс. л.н. [Питулько, 1998]) и неолите (многочисленные памятники).

Палеоантропологические материалы из погребений восточного Заполярья Евразии представляют собой весьма редкие находки. Но они, безусловно, важны для

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Правительства РФ (Постановление №220), полученного ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

реконструкции этнокультурных и адаптивных морфофизиологических аспектов процесса освоения человеком территорий циркумполярной зоны. Если принять во внимание чрезвычайно сложные условия работы археологов, исследующих комплексы в таких районах, то каждое погребение заслуживает самого внимательного отношения со стороны антропологов. К сожалению, останки людей из неолитического комплекса Помазкино-III, предоставленные для антропологического исследования Виталием Александровичем Кашиным, не получили при жизни этого замечательного ученого должной оценки специалистов. В данной статье мы исправляем досадную оплошность и публикуем результаты углубленного исследования предоставленных нам материалов.

Комплекс расположен в районе деревни Помазкино (67°05' с.ш. и 156°30' в.д.) и находится на правом берегу Колымы, в 465 км от ее устья. Основываясь на аналогиях погребального инвентаря комплекса Помазкино-III в поздних памятниках ымыяхтахской культуры, В.А. Кашин предварительно датировал его серединой или 2-й половиной II тыс. до н.э. [Кашин, Калинина, 1997, с. 43]. Позднее для Помазкинского могильника получена радиоуглеродная дата 3065 ± 65 л.н. [Кашин, 2013, с. 142].

Заполярный восток Евразии, в административном отношении принадлежащий сегодня в основном республике Саха (Якутия), в своем культурогенезе на протяжении всей истории освоения северных широт человеком также неразрывно связан с этой территорией. Все археологические культуры, формирующиеся в центральных и южных областях Якутии, рано или поздно «выклиниваются» на север и существуют там, когда в исходных эпицентрах происходит трансформация или смена культурных традиций [Алексеев, Черосов, 1990]. Неолитическая эпоха на северо-востоке Евразии наступила несколько позднее (в 1-й половине V тыс. до н.э.) [Алексеев, Дьяконов, 2009], чем в ее южных и западных районах (VI тыс. до н.э.) [Неолит Северной Евразии, 1996]. Археологи выделили здесь три последовательно сменившие друг друга неолитические культуры – сылахскую, белькачинскую и ымыяхтахскую. По вопросу об основных факторах неолитического культурогенеза Якутии существуют три точки зрения.

По мнению А.Н. Алексеева [1996], эти культуры генетически не связаны, в каждой последующей наблюдается почти полная смена культурного комплекса, что свидетельствует об их формировании в результате миграции нового населения. Ранне-неолитическая культура (сылахская) сформировалась за счет ассимиляции автохтонного мезолитического населения (носителей сумнагинской культуры) популяциями из Забайкалья [Мочанов, 1977]. Ее сменила в середине IV тыс. до н.э. белькачинская культура [Алексеев, Дьяконов, 2009], носители которой были генетически связаны с населением Забайкалья и Верхнего Амура [Мочанов и др., 1983], а также с этническими общностями Прибайкалья [Алексеев, 1996]. На смену белькачинской культуре на рубеже IV–III тыс. до н.э. приходит ымыяхтахская, племена которой на раннем этапе ее развития сосуществовали с поздними белькачинцами [Алексеев, Дьяконов, 2009]. Радиоуглеродные даты для некоторых памятников ымыяхтахской культуры с территории Заполярья свидетельствуют о том, что они существовали во II–I тыс. до н.э., когда на основной части Якутии уже развивались культуры бронзового и даже железного века [Алексеев, Дьяконов, 2009]. Культурно-миграционный импульс, обусловивший смену белькачинских традиций ымыяхтахскими, происходил с юга, с территории между Байкалом и Зеей [Федосеева, 1980].

Вторая концепция генезиса неолитических культур Северо-Восточной Азии заключается в том, что сылахская, белькачинская и ымыяхтахская традиции представляют собой единую местную линию развития, трансформирующуюся в основном в результате изменений природно-климатических условий, а не под влиянием миграций [Питулько, 2003].

Третья концепция, предложенная В.А. Кашиным [2013, с. 148], предполагает, что на каждом этапе своего развития неолит северных районов Якутии (в частности, бассейна Средней Колымы) имел свои особенности по сравнению с нуклеарным районом их формирования – бассейном Средней Лены. В среднененском неолите каждая новая культура возникала благодаря миграциям нового населения с юга и юго-запада, которое частично оттесняло аборигенов в северные и северо-восточные районы, а на Средней Колыме основным фактором культурогенеза являлась эволюция автохтонных культурных традиций при обогащении их в результате контактов инокультурными влияниями.

Выводы археологов об определяющей роли миграционных процессов или эволюционных тенденций в культурогенезе неолитического населения Северо-Востока Азии могут быть верифицированы антропологическими данными. Их не много количественно, но они относятся ко всем выделенным культурам, и сравнительный анализ комплексов морфологических особенностей данного скелетного материала позволяет оценить степень типологического разнообразия связанного с ним населения.

Таким образом, задачи, решаемые в нашем исследовании, заключаются в комплексном описании палеоантропологического материала из погребения Помазкино-III и сравнительном анализе континуума антропологических данных неолита Северо-Восточной Азии.

Материал и методы

Исследован палеоантропологический материал из погребения 2 комплекса Помазкино-III, принадлежавший молодой женщине (18–20 лет). Она была захоронена в вытянутом положении на спине, головой на юго-восток, ногами почти перпендикулярно к р. Колыме. Скелет сохранял относительный анатомический порядок, но почти все его отделы были потревожены, а кости таза и стоп отсутствовали [Кашин, Калинина, 1997, с. 25]. При анализе скелета мы не нашли также кости обеих кистей и левого предплечья. Тафономия погребения в монографическом описании комплекса авторами раскопок не обсуждается. Особенности стратиграфии погребения заключаются в его слабой углубленности (глубина грунтовой могильной ямы, перекрытой плитами известняка, составляла 46–48 см от древней и 67–69 см от современной дневной поверхности, а первые признаки погребения появились на глубине 12–15 см от современной дневной поверхности) [Кашин, Калинина, 1997, с. 23]. Это дает основание предполагать, что погребение было доступно для животных, которые могли вытащить из него части тела и нарушить анатомическое положение костей.

Однако в древних и средневековых могилах на территории Якутии часто встречаются следы постингумационного проникновения и целенаправленного нарушения анатомической целостности костяков, а в якутском фольклоре распространены сюжеты об отсечении ног покойников для проведения определенных магических действий [Бравина и др., 2016]. Повреждения на дистальных концах диафизов костей правого предплечья и голени (особенно на большой берцовой, внешне похожие на след от ее разруба) теоре-

тически могли иметь ритуальное происхождение. Для идентификации этих поврежденных мы провели их обследование методами трасологического анализа. Оно проводилось по методике экспериментальных исследований в археологии [Волков, 2013] с помощью бинокулярного микроскопа «Альтами» с рабочим увеличением от 7 до 20 крат.

Череп погребенной женщины реставрирован из фрагментов (рис. 1). Нижняя челюсть отсутствовала, но среди изолированных зубов обнаружены правые M_3 и P_1 . Относительно хорошую сохранность имеет теменной, затылочный, височный отдел и основание черепа. Лобный отдел посмертно разрушен, но не деформирован, что позволило восстановить его конфигурацию. Лицевой отдел поврежден в сильной степени. Отсутствуют косточки носовые и левой половины лица, но среди изолированных зубов имеется левый I^2 .

Рис. 1. Череп женщины из погребения 2 на памятнике Помазкино-III

В статье мы дали развернутое описание антропологических особенностей скелета из погребения 2, уделив особое внимание оценке его патологического статуса, а также провели сравнительный анализ краниометрических и одонтологических показателей с опубликованными палеоантропологическими данными по неолитическому населению Якутии и сопредельных территорий.

Результаты и обсуждение

**Трасологический анализ повреждений
на диафизах костей правого предплечья и голени**

На обследованных поверхностях лучевой, локтевой, большой и малой берцовой кости выявлены следы деформации в виде погрызов, на большой берцовой кости обнаружены также следы фрагментации иного рода. Погрызы представлены двумя типами. В большинстве случаев костный материал уничтожался (рис. 2.-*c*), во втором случае на поверхности костей формировались линейные следы в виде относительно параллельных каналов различной глубины (рис. 2.-*b*; 3.-*b*).

Рис. 2. Правая локтевая кость и микрофотографии ее участков с посмертными повреждениями: *a* – общий вид кости; *b* – средняя часть диафиза; *c* – нижняя часть диафиза

Рис. 3. Правая большая берцовая кость и микрофотографии ее участков с посмертными повреждениями: *a* – общий вид кости; *b*, *c*, *d* – нижняя часть диафиза (стрелка указывает на продольный профиль повреждения)

Последствия фрагментации, обнаруженные на большой берцовой кости, представляют собой подтреугольную в горизонтальном плане (рис. 3.-с) и слегка выпуклую в продольном профиле (рис. 3.-d) поверхность. Анализ показал, что такого рода деформация не могла быть следствием преднамеренного раскалывающего удара по кости тяжелым прочным орудием или следствием контакта кости с каким-либо режущим или рубящим инструментом. Непосредственно антропогенный генезис преднамеренной деформации исследованной кости исключен. Причиной разлома большой берцовой кости можно считать чрезмерный изгиб «на излом» в нижней части. Характер скола и его дислокация могли стать следствием попытки ее извлечения из погребения.

Характеристика патологического статуса

Следы патологических процессов локализованы на всех сохранившихся отделах мозговой коробки. Наибольший интерес представляет правая височная кость, на которой имеются очаги гиперваскуляризации (область вокруг наружного слухового прохода и чешуя испещрены мелкими отверстиями) и оссифицирующего периостита в виде мелких иголок костной ткани (задний край пирамиды височной и основание правого крыла основной кости) (рис. 4). Основываясь только на визуальных впечатлениях от внешнего вида таких изменений, можно заподозрить менингиому, но рентгенодиагностика не подтвердила эту патологию. На рентгенограмме не выявлены очаги обызвествления сосудов внутри пирамиды, которые дали бы на снимке своеобразную картину множества сливающихся игольчатых образований – спикул. Костная ткань имеет правильное строение, что позволяет заподозрить скоротечный воспалительный процесс, приведший к расплавлению надкостницы.

Учитывая, что патологически измененные поверхности пирамиды височной кости входят в состав задней черепной ямки, в которую открывается внутреннее слуховое отверстие, частой

Рис. 4. Оссифицирующий периостит на заднем крае пирамиды височной кости (указано стрелкой)

патологией является проникновение инфекции в данную область. Сочетание таких факторов, как постоянное холодное воздействие, снижающее местный иммунитет, высокая физическая статическая нагрузка (особенно в молодом возрасте)*, приводящая к надрыву мышечной ткани и связок в месте их прикрепления, приводит к отечности надкостницы и ее разрыхлению. Нарастает лейкоцитарная инфильтрация, развиваются микроциркуляторные нарушения. Внутренний слой надкостницы расплавляется, между надкостницей и костью скапливается серозный, а при развитии инфекции серозно-гнойный, а затем гнойный экссудат. Скапливающаяся масса экссудата отслаивает надкостницу, нарушая кровоснабжение в ней, возникают дистрофические изменения костного вещества, слияние гаверсовых каналов и костномозговых пространств, местами исчезает кортикальный слой кости и прилегающие костные балочки. После выхода экссудата освобожденные полости заполняются грануляционной тканью, которая со временем может заменяться остеоидной, а затем костной, образуя различные формы костных образований. Исходя из патогенеза, зафиксированный нами воспалительный процесс был скоротечным, наблюдаемая патология не стала причиной смерти, замещение грануляционной ткани на костную произошло в течение жизни. Оссифицирующий периостит развился при переходе острого воспалительного процесса в хроническую форму – разрастание остеофигов. Воспалительный процесс не привел к внутричерепной гипертензии и перестройке сосудистого рисунка (на эндокране отсутствуют их признаки) и деформации каналов пирамиды височной кости.

На поверхности нижнечелюстной ямки височной кости, вокруг шиловидного отростка, хорошо выражен гиперостоз, который имеет сосудистую природу. Он развивается вторично, как реакция костной ткани на нарушение кислотно-щелочного баланса и хронический недостаток кислорода [Рейнберг, 1955, с. 360]. Для восстановления газового и обменного баланса усиливаются процессы, запускающие кровоснабжение данной области – прорастание коллатеральных капилляров и активизация венозного оттока, для увеличения эвакуации продуктов распада.

На чешуе лобной кости имеются частичные разрушения, в носовой и глазничных частях отсутствуют фрагменты. Но сохранился лобный гребень (*crista frontalis*), являющийся местом прикрепления серпа мозга – элемента твердой мозговой оболочки, представляющей собой систему мембран взаимного натяжения. Его состояние позволило оценить возможные физиологические и патофизиологические изменения, происходившие в тканях головы. Он хорошо развит, острый, без изгибов в трансверсальной плоскости. Отсутствие явной деформации по оси гребня в сочетании с умеренно выраженными пальцевыми вдавлениями на конвексительной поверхности кости, нормальной ее структурой и спокойным сосудистым рисунком позволяет предположить, что зафиксированный нами в пирамидальном отделе височной кости воспалительный процесс не затронул оболочки мозга и был локализован на уровне проникновения инфекции.

Глабелла имеет ярко выраженные множественные признаки гиперваскуляризации, что является маркером холодного стресса. Предполагается, что регулярное воздействие холодного воздуха на открытые участки лица, усиливающее периферическое кровообращение, вызывает увеличение количества и диаметра отверстий, через кото-

* О перенапряжении мышц шейного отдела говорит усиление костного рельефа в местах прикрепления грудинно-ключично-сосцевидной мышцы (*m. sternocleidomastoideus*).

рые проходят мелкие сосуды, питающие кость, в результате чего она приобретает вид, напоминающий корку апельсина [Бужилова, 1998, с. 104–105].

Однако очаги гиперваскуляризации имеются также на наружной поверхности чешуи затылочной кости (рис. 1) и на боковых поверхностях ее основания, т.е. в тех отделах головы, которые обычно не подвержены непосредственному воздействию холодного ветра. Видимо, гиперваскуляризация как ответ на холодовой стресс развивается при усиленном сокращении брюшек надчерепной мышцы (*m. epicranius*). Под непосредственным воздействием холода находится переднее или лобное брюшко (*venter frontalis*), начинающееся от кожи бровей. Сухожильная часть надчерепной мышцы, или надчерепной апоневроз (*aponeurosis epicranialis*), рыхло связана с надкостницей и тесно сращена с кожей головы, которая поэтому может передвигаться вместе с ней под влиянием сокращения лобного брюшка, передавая напряжение заднему или затылочному брюшку (*venter occipitalis*), которое начинается от верхней выйной линии (*linea nuchae superior*) и покрывает чешую затылочной кости.

Особое внимание привлекают места крепления поперечно-остистой мышцы (*m. transversospinalis*) – остистые отростки шести нижних шейных позвонков и выйная площадка затылочной кости. При двустороннем сокращении мышца разгибает позвоночный столб, принимая участие в поддержании тела в вертикальном положении, при одностороннем сокращении поворачивает его в противоположную сторону. Мы обнаружили, что остистые отростки шейных позвонков отклоняются по оси в сагиттальной плоскости вправо, при этом в наибольшей степени развернут отросток 4-го позвонка. Тела шейных позвонков уплощены и наклонены вправо.

Нами обнаружено отсутствие костного сращения дужки пятого поясничного позвонка (L5) с его телом – спондилолиз. Данная патология интересна как с точки зрения внутриутробных нарушений, так и клинических проявлений. Перенапряжение пояснично-подвздошной мышцы проявляется болями вдоль позвоночного столба (нижней части спины) и верхней части ягодиц с формированием поясничного сколиоза и усилением поясничного лордоза, западением остистых отростков L4, L5 позвонков. Этот комплекс вызывает постоянные боли, усиливающиеся при сидении и вставании. Как компенсация данной деформации верхняя часть спины «подтягивает» плечо вверх со смещением всех мягких тканей, формированием очага перенапряжения в местах прикрепления мышц на костях. Возможно, обнаруженные нами очаги воспалений на височных костях и основании черепа инициированы перенапряжением мягких тканей поясничного отдела, распространяющимся краниально по всей задней линии мышц спины. Такое перенапряжение поддерживает мягкие ткани в состоянии хронического воспаления и создает благодатную почву для развития патологических процессов.

Характеристика одонтологических особенностей

Одонтологический материал в погребении Помазкино-III представлен постоянными зубами верхней (правыми медиальным и латеральным резцом, двумя премолярами и тремя молярами, левым латеральным резцом) и нижней (левые клык, первый премоляр и третий моляр) челюсти.

Фронтальные зубы верхней челюсти были стерты до образования полоски дентина на режущем крае, на нижнем клыке точка дентина сформировалась на верхушке режущего бугорка, премоляры и моляры стерты очень слабо. На всех зубах присут-

ствуют очень умеренные отложения зубного камня, который, в основном, локализован в межзубном пространстве и на лингвальной поверхности у края мягких тканей. Корни зубов в положении *in situ* выступают из альвеол на 1–2 мм, на краях альвеол и поверхности нёба наблюдаются поротические изменения, свидетельствующие об умеренно выраженном нарушении питания тканей пародонта. Кариес отсутствует, на первом верхнем премоляре отмечен небольшой прижизненный скол эмали, на нижнем третьем моляре при жизни погребенной был сломан большой фрагмент, захвативший почти весь гипоконид.

Наблюдаемая картина патологических изменений зубной системы соответствует рациону с высоким содержанием животного белка, отсутствием мягкой вязкой пищи, низким содержанием углеводов, свойственному в большей степени диете охотников. В скотоводческих группах наблюдается более высокая скорость стирания рельефа коронок, вызванная употреблением сушеного мяса, запасаемого впрок, и значительно большее количество зубного камня, связанное с употреблением вареных продуктов, содержащих мясомолочный компонент.

Одонтометрический комплекс погребенной из Помазкино-III имеет несколько особенностей. Прежде всего, это слабая редукция верхних латеральных резцов по отношению к центральным, что отражается в значении межрезцового индекса (92), превышающего средние показатели, дифференцирующие европеоидную и монголоидную расу [Зубов, 1968а, с. 126]. Отличается он также крайне малыми размерами верхних моляров (модули их коронок относятся к микродонтной категории). Особенно миниатюрен мезиодистальный диаметр зубов, который у первого моляра находится на нижнем пределе мировой изменчивости этого признака [Зубов, 1968б, табл. 26], у второго лишь немного превышает пороговое значение, у третьего совпадает с границей очень малых и малых величин. Вестибуло-лингвальные диаметры всех трех моляров малые. Индексы коронок моляров имеют очень высокие значения.

Сравнение наблюдаемых показателей с характеристиками погребенных в других неолитических могильниках Лены и Колымы показало, что основное отличие от них погребенной из Помазкино-III заключается в очень малых размерах зубов (табл. 1). Другие известные представители неолитических культур Якутии отличаются крупными молярами и большими размерами челюстей. Единственную близкую аналогию абсолютным размерам зубов из Помазкино-III представляют характеристики одного из детей, обнаруженных в погребении на памятнике Каменка-II на Средней Колыме* (череп 2). У второго ребенка из этого погребения (череп 1) зубы более крупные [Шпакова, 2001, табл. 5]. В серии ымыяхтахской культуры из могильника Диринг-Юрях также встречаются зубы как крупные, так и небольшие по размерам, но даже самые мелкие из них крупнее, чем у находки из Помазкино-III. Возможно, что наблюдаемые различия обусловлены половым диморфизмом, так как в Диринг-Юряхе представлены только мужские черепа. Однако на женском черепе из погребения на стоянке Родинка-II* Культурная принадлежность памятника дискуссионна. Открывший погребение С.П. Кистенёв [1980, 1992] отнес его к белькачинской культуре, и это определение фигурирует в исследовании антропологов [Гохман, Томтосова, 1992]. В то же время есть исследователи, которые считают, что оно принадлежит ымыяхтахцам [Кашин, Калинина, 1997, с. 43]. Верхние моляры массивные.

* Памятник открыт и раскопан В.А. Кашиным [2001], датирован им III–II тыс. до н.э.

Таблица 1

Одонтометрические характеристики зубов
из неолитических погребений с территории Якутии

Одонтометрические характеристики	Помазкино-III	Каменка-II, череп 1	Каменка-II, череп 2	Диринг-Юрях, МАЭ №7390-3	Диринг-Юрях, МАЭ №7390-2	Диринг-Юрях, МАЭ №7390-4	Диринг-Юрях, МАЭ, череп 5	Диринг-Юрях, МАЭ №7390-5	Родинка
I ¹ md	7,50	7,90	8,40	–	–	8,70	–	9,00	8,50
I ¹ vl	6,80	6,70	6,60	–	–	7,50	6,60	–	7,20
I ¹ h cor	–	11,30	11,20	–	–	–	–	–	–
I ¹ l r	11,20	9,10	–	–	–	–	12,00	–	9,50
I ² md	6,90	6,90	6,00	–	–	–	7,00	7,60	7,00
I ² vl	6,60	6,50	6,60	–	–	–	6,20	6,40	7,00
I ² h cor	–	10,10	10,10	–	–	–	–	–	9,20
I ² l r	13,10	–	–	–	–	–	11,90	–	10,80
mdI ² /mdi ¹	92,00	87,34	71,43	–	–	–	–	84,44	82,35
C ^b md	–	7,70	–	–	–	–	–	7,90	–
C ^b vl	–	8,00	–	8,10	–	–	–	8,40	7,90
C ^b h cor	–	11,40	–	–	–	–	–	–	–
C ^b l r	–	–	–	–	–	–	–	–	–
P ¹ md	6,80	7,00	–	7,30	–	7,00	7,50	7,20	7,30
P ¹ vl	9,00	9,50	–	9,80	–	9,10	10,40	10,80	9,00
P ¹ h cor	8,40	8,80	–	–	–	–	–	–	7,60
P ¹ l r	–	–	–	–	–	–	–	–	–
P ² md	6,80	7,00	–	–	–	6,70	–	7,30	6,60
P ² vl	9,10	9,30	–	8,30	–	8,80	–	–	8,90
P ² h cor	7,70	7,30	–	–	–	–	–	–	6,30
P ² l r	–	–	–	–	–	–	–	–	–
M ¹ md	9,10	10,00	9,50	11,00	10,20	10,80	10,80	10,50	10,00
M ¹ vl	11,10	11,40	11,50	12,00	11,60	12,00	13,00	–	11,40
M ¹ h cor	6,30	6,10	6,50	–	–	–	–	–	6,60
M ¹ l r	–	–	–	–	–	–	14,00	–	–
Индекс M ¹	121,98	114,00	121,05	109,09	113,73	111,11	120,37	–	114,00
Модуль M ¹	10,10	10,70	10,50	11,50	10,90	11,40	11,90	–	10,70
Массивность M ¹	101,01	114,00	109,25	132,00	118,32	129,60	140,40	–	114,00
M ² md	8,40	9,70	9,60	10,80	9,00	9,70	11,40	10,60	9,70
M ² vl	10,40	12,10	11,40	11,50	11,30	11,80	13,40	12,00	11,40
M ² h cor	6,20	5,60	6,30	–	–	–	–	–	6,60
M ² l r	–	–	–	–	–	–	13,70	–	–
Индекс M ²	123,81	124,74	118,75	106,48	125,56	121,65	117,54	113,21	117,53
Модуль M ²	9,40	10,90	10,50	11,15	10,15	10,75	12,40	11,30	10,55
Массивность M ²	87,36	117,37	109,44	124,20	101,70	114,46	152,76	127,20	110,58
M ³ md	7,60	–	–	–	–	7,80	–	–	9,70
M ³ vl	10,30	–	–	–	–	10,30	–	–	10,80
M ³ h cor	6,30	–	–	–	–	–	–	–	5,70
M ³ l r	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Индекс M ³	135,53	–	–	–	–	132,05	–	–	111,34
Модуль M ³	9,85	–	–	–	–	10,53	–	–	10,68

Детей из погребений на стоянке Каменка-II и женщину из Помазкино-III сближают высокие индексы моляров (индекс первого моляра повышен на черепе 2, второго – на черепе 1). В серии из Диринг-Юряха у всех погребенных индексы первого моляра значительно ниже, чем в Каменке-II и Помазкино-III, хотя высокие значения индексов вторых и третьих зубов в единичных случаях встречаются. По межрезцовому индексу ближайшие аналогии женщине из Помазкино-III также наблюдаются у одного из индивидов из погребений на стоянке Каменка-II (череп 1).

Верхние резцы погребенной из Помазкино-III характеризуются выраженной лопатообразностью лингвальной поверхности, свидетельствующей о принадлежности ее к монголоидной большой расе. Здесь присутствуют хорошо выраженные краевые гребни, достигающие режущего края коронки. На латеральных резцах они разделяются в базальной части короно-радикулярной бороздой, на медиальном резце – слабо выраженным лингвальным бугорком, формирующим небольшие по протяженности и слабо выступающие пальцевидные гребни. Вестибулярная лопатообразность умеренно выражена на медиальном резце и слабо – на латеральных. Интересной особенностью последних является наличие на их вестибулярной поверхности депрессии, аналогичной короно-радикулярной борозде, которая переходит на мезиальное ребро коронки. Нижний клык характеризуется сильной лопатообразностью и присутствием дополнительного дистального гребня.

Бугорки первого верхнего моляра не редуцированы, на втором наблюдается умеренное уменьшение размеров метаконуса, относительно параконуса, и сильная редукция гипоконуса (балл 3+). На третьем моляре гипоконус практически полностью редуцирован. Бугорок Карабелли, косой гребень, дополнительные краевые бугорки, передние и задние ямки отсутствуют. На первом моляре присутствует лирообразный вариант хода первой борозды параконуса, являющийся важным маркером восточного ствола и близкий к восточному градиенту (тип 3) соотношения точек впадения первых борозд параконуса и метаконуса.

Нижний первый премоляр заметно дифференцирован (балл 3), его трансверсальный гребень прерван, на лингвальном бугорке присутствует дополнительный дистальный гребень, в базальной области наблюдается выступание цингулюма. Нижний третий моляр 5-бугорковый, на нем отсутствуют какие-то важные с точки зрения диагностики фены.

Подводя итог описанию морфологических особенностей зубов женщины из погребения Помазкино-III, можно констатировать, что часть из них вписывается в круг носителей ымыяхтахской культуры. В целом все ымыяхтахцы характеризуются высоким уровнем лингвальной и вестибулярной лопатообразности, присутствием пальцевидных гребней на верхних резцах, пониженной частотой бугорка Карабелли и практически полным отсутствием архаичных особенностей в строении верхних моляров. Часть признаков одонтологического комплекса – высокий уровень редукции гипоконуса вторых верхних моляров, малые размеры зубов, высокий межрезцовый индекс – не свойственна всем ымыяхтахцам и характеризует локальную специфику популяции, к которой относилась погребенная из Помазкино-III. По этим характеристикам она сближается с индивидами из памятника Каменка-II, который так же, как и могильник Помазкино-III, расположен в среднем течении Колымы. Вполне возможно, что этот район был ареалом распространения специфического

одонтологического компонента, отсутствовавшего в других неолитических группах с территории Якутии, большинство которых отличается массивностью зубной системы и низким уровнем редукции (табл. 1).

Антропологические особенности посткраниального скелета

Эпифизы и частично диафизы длинных костей посткраниального скелета женщины из Помазкино-III повреждены животными, и нами получены не все остеометрические параметры. Тем не менее они дают представление об их длине, массивности и позволяют реконструировать рост погребенной. Прежде всего, отметим общую миниатюрность скелета, заключающуюся в малых величинах общей длины, ширины эпифизов, диаметров и окружностей диафизов (табл. 2). Реконструированная несколькими методами длина тела является малой и варьирует от 145,6 до 149,0 см. При выборе методов мы руководствовались рекомендациями для судебно-медицинской экспертизы, в соответствии с которыми при небольшой и средней длине костей наиболее точные результаты дают расчетные формулы К. Пирсона, таблицы Л. Мануврие, А. Тельккя, Й.-И.В. Найниса и А.К. Гармуса [Пашкова, Резников, 1978, с. 257].

Таблица 2

Размеры и указатели пропорций костей посткраниального скелета

	Правая	Левая
Плечевая кость:		
1. Наибольшая длина	–	279
2. Общая длина	–	276
3. Ширина верхнего эпифиза	41	–
4. Ширина нижнего эпифиза	–	50
5. Наибольший диаметр середины диафиза	20	20
6. Наименьший диаметр середины диафиза	14	14
7. Наименьшая окружность диафиза	53	53
7а. Окружность середины диафиза	58	58
6:5. Указатель сечения	70,0	70,0
7:1. Указатель массивности	–	19,0
Локтевая кость:		
11. Передне-задний диаметр	11	–
12. Поперечный диаметр	13	–
13. Верхний поперечный диаметр	11	–
14. Верхний сагиттальный диаметр	20	–
11:12. Указатель сечения	84,6	–
13:14. Указатель платолении	55,0	–
Лучевая кость:		
4. Поперечный диаметр диафиза	15,0	–
5. Сагиттальный диаметр диафиза	9,0	–
3. Наименьшая окружность диафиза	34,0	–
5:4. Указатель сечения	60,0	–
Ключица:		
1. Наибольшая длина	–	142
6. Окружность середины диафиза	–	27

Окончание таблицы 2

	Правая	Левая
6:1. Указатель массивности	–	19,0
Бедренная кость:		
1. Наибольшая длина	389	–
2. Длина тела в естественном положении	385	–
6. Сагиттальный диаметр середины диафиза	25	25
7. Поперечный диаметр середины диафиза	23	23
9. Верхний поперечный диаметр диафиза	27	28
10. Верхний сагиттальный диаметр диафиза	24	23
8. Окружность середины диафиза	70	70
8:2. Указатель массивности	18,2	–
6:7. Указатель пилыстрии	108,7	108,7
10:9. Указатель платимерии	88,9	82,1
Большая берцовая кость:		
1. Полная длина	–	302
1а. Наибольшая длина	–	308
6. Наибольшая ширина нижнего эпифиза	–	44
8. Сагиттальный диаметр на уровне середины диафиза	24	24
8а. Сагиттальный диаметр на уровне питательного отверстия	25	25
9. Поперечный диаметр на уровне середины диафиза	17	17
9а. Поперечный диаметр на уровне питательного отверстия	20	20
10. Окружность середины диафиза	64	65
9а:8а. Указатель сечения	80,0	80,0
10:1. Указатель массивности	–	21,2
Малая берцовая кость		
1. Наибольшая длина	–	303
Длина тела		
по К. Пирсону и А. Ли	145,6	
по Л. Мануврие		147,5
по А. Тельккя		148,7
по В.В. Бунаку		148,9
по Г.Ф. Дебецу		148,6
по Й.-И.В. Найнису		149,0
по А.К. Гармусу		148,5

При малых абсолютных размерах длинных костей и визуальной грацильности указатели, характеризующие сечения их диафизов и массивность, весьма высоки, в особенности на нижних конечностях. По параметрам и особенностям развития шероховатостей и апофизов кости они удивительно симметричны. Можно предполагать, что реализация генетической программы развития скелета произошла без влияния патогенных факторов внутренней среды организма и окружающих внешних условий, что свидетельствует о высоком уровне адаптированности женщины из Помазкино-III к условиям региона, в котором она проживала, и к традиционным функциональным нагрузкам на опорно-двигательный аппарат. Отметим наиболее информативные особенности костей скелета, позволяющие их реконструировать.

Бедро слабо уплощено на уровне нижнего края малого вертела (эуримерно) и имеет мощные пилястры, придающие диафизу подтреугольную в сечении форму, и хорошо развитые шероховатые линии. Диафизы большеберцовых костей отличаются слабым развитием пилястров на уровне питательных отверстий, что нашло отражение в высоком индексе платикнемии (80,0 – эурикнемия). Поскольку усиление рельефа на костях нижних конечностей относится в основном к местам прикрепления мышц-разгибателей голени, то можно предположить, что у женщины из Помазкино-III в этом отделе преобладали функциональные нагрузки, связанные с ходьбой и стоянием.

На плечевых костях в локтевых ямках имеются симметричные отверстия подовальной формы, больший диаметр которых составляет 8,0 мм. Дельтовидная бугристость умеренно развита, но гребешки большого и малого бугорков мощные, что определяет платоленичность сечения их диафиза, т.е. большую разницу между его наибольшим и наименьшим диаметрами (указатель сечения 70,0). Поскольку к бугоркам прикрепляются мышцы плечевого пояса, а к их гребешкам также мышцы груди и спины, можно предположить значительную функциональную нагрузку на плечевой пояс, что подтверждается гипертрофированностью костного рисунка в местах прикрепления связочного аппарата на его костях.

В пригодном для морфологического описания состоянии сохранились правые кости верхнего плечевого пояса – лопатка и ключица. На ключице и лопатке гипертрофированно развиты бугристости клювовидно-ключичной, акромиально-клювовидной связки и капсулы акромиально-ключичного сустава. Эти связки мало ограничивают движения, но укрепляют суставы и участвуют в передаче сил от свободной конечности к лопатке и ключице и через последнюю – к груди. Особенно важную роль в скреплении костей плечевого пояса играет клювовидно-ключичная связка. При замыкании акромиально-ключичного сустава эта связка напрягается, и лопаточно-ключичный комплекс совершает движения как единое целое.

Характеристика краниологических особенностей

Все антропометрические данные по черепу представлены в таблице 3. Он характеризуется малыми размерами горизонтальных диаметров и сагиттальной дуги свода, брахикранным поперечно-продольным указателем. Из общей длины сагиттальной дуги наибольшую протяженность имеет лобный отрезок, наименьшую – затылочный; соотношение затылочного и теменного ее компонентов характеризуется очень малой величиной. Изгиб теменного отдела свода сильный (указатель изгиба 88,4), лобного – слабый (указатель изгиба 89,6), затылочного – умеренный (указатель изгиба 85,2); его окципитальный контур имеет крышевидную форму, сагиттальный – близкую к эллипсоидной, трансверзальный – сфеноидную. Визуальное впечатление об угловатости окципитального контура усиливают выступающие теменные бугры, обширные утолщения на височной линии над сосцевидными отростками, которые к тому же и сами весьма массивны. Лобная кость узкая, слабовыпуклая (указатель выпуклости 18,0), очень наклонная, уплощенная в поперечном сечении на уровне наибольшего сужения. Величины углов вертикального профиля лба у индивида из Помазкино-III очень малы, и вполне возможно, что такие редко встречающиеся параметры являются следствием ошибки измерения на реконструированном черепе. Тем не менее эта возможная ошибка не отменяет сильного наклона лобной кости, заметного уже при визуальном осмотре.

Высота мозговой коробки незначительно различается в зависимости от метода ее измерения: диаметр базион – брегма, относится к категории малых размеров, порион – брегма – попадает на границу малых и средних значений признака. В комплексе антропологических особенностей краниологических материалов эпохи неолита из памятников с территории Якутии обращает на себя внимание большая высота черепа. Даже если при измерении от базиона размер этого признака является средним по межгрупповому масштабу (на якутском неолитическом материале эпохи неолита не встречаются его низкие значения), высота черепа, измеренная от порионов, остается стабильно большой величиной. Впервые на эту черту обратили внимание И.И. Гохман и Л.Ф. Томтосова при изучении мужской краниологической серии ымыяхтахской неолитической культуры из погребений на могильнике Диринг-Юрях (Средняя Лена) и женского черепа из погребения на стоянке Родинка-II (низовья р. Колымы). Мужской череп из погребения Кёрдюген (Средняя Лена) ымыяхтахской культуры [Чикишева, Поздняков, 2006] и женский череп сыалахской культуры из погребения под культурным слоем поселения Вилуйское шоссе в Якутске [Дьяконов и др., 2003] имеют такую же антропологическую особенность. Мужской череп белькачинской культуры из погребения на могильнике Туой-Хая (верховья Вилуя) [Дебеч, 1956] имеет средневысокую черепную коробку. Таким образом, мозговая капсула черепа из Помазкино-III отличается по высоте от других известных образцов якутского неолита.

Лицевой отдел характеризуется своеобразным сочетанием малой скуловой ширины с сильной уплощенностью (гиперплатиопией) на верхнем уровне. Подобная узколицесть не встречается на черепах индивидов из погребений якутского неолита, но она обнаружена на детском черепе 2 из погребения на стоянке Каменка-II при пересчете его краниометрических параметров до размеров взрослых [Шпакова, 2001, табл. 1]. Морфологической особенностью верхнечелюстной кости является большая глубина клыковой ямки (6,4 мм). Поскольку отсутствует левая половина лица, мы не смогли определить характер его горизонтальной профилировки на среднем уровне, но обычно уплощенные (платигнатные) варианты не сочетаются с моделированной передней стенкой верхней челюсти.

Высота лица представляет собой умеренно большую величину, отличающуюся от других известных на территории Якутии вариантов. Вертикальный фацио-церебральный указатель (56,1), дающий представление о соотношении высотных осей лицевого отдела и мозговой коробки, попадает в пределы вариантов центральноазиатских и восточносибирских серий и отдельных находок. Обращает на себя внимание гиперортогнатность вертикального лицевого профиля.

Подводя итог характеристике морфологических особенностей женского черепа из Помазкино-III, отметим его очень малые горизонтальные диаметры, суббрахикранию, низкий свод, чрезвычайно наклонный лоб, платиопию и гиперортогнатию невысокого (в масштабах краниологических материалов из Восточной Сибири) и узкого лицевого отдела. В Восточносибирском регионе по комплексу краниометрических признаков он ближе всего к женским черепам из Забайкалья – погребения в местности Ара-Киреть*, погребения 3 могильника Бухусан [Гохман, 1980], который отнесен Л.Г. Ивашиной

* Краниометрические данные для этого черепа опубликованы И.И. Гохманом [1980], который пишет о нем как о неолитической находке, сделанной в 1967 г. П.Б. Коноваловым. Археологического описания данного погребения мы не нашли.

[1979, с. 100] к поздненеолитическому времени – концу III – началу II тыс. до н.э., погребений Толгой-II и Могсохон китойского времени [Мамонова, 1957]* (табл. 3). Что касается неолита Якутии, то в аналогичный комплекс комбинируются вычисленные «взрослые» размеры черепа 2 из погребения на стоянке Каменка-II, идентифицированного к тому же, как женский [Шпакова, 2001, табл. 1] (табл. 3).

Безусловна принадлежность всех упомянутых черепов к монголоидной расе, но в рамках общепринятой классификации присущий им морфологический комплекс не находит аналогий. В соответствии с ней морфологические комплексы монголоидов Восточной Сибири формируют три кластера, которые имеют статус локальных рас или групп антропологических типов: байкальский, арктический и центральноазиатский.

Особое положение занимает антропологический тип неолитического населения Прибайкалья, представляющий, по мнению Г.Ф. Дебеца [1951, с. 95], древнюю форму азиатского расового ствола, имеющий в континууме антропологических типов монголоидной расы такое же значение, как протоевропейский (кроманьонский – в широком смысле слова) у европеоидов, названный им палеосибирским и рассматриваемый как один из вариантов байкальского типа [Дебец, 1948, с. 59]. Я.Я. Рогинский [1934] отмечал проявление палеосибирского типа у современных эвенков Северного Прибайкалья, выделив его как локальный вариант в составе байкальской расы, Н.Н. Мамонова [1973] констатировала его на черепках из гуннских могил Забайкалья и Монголии. Палеосибирский тип характеризуется большими величинами горизонтальных диаметров черепной коробки, мезо-брахикранией, малой высотой ее свода, узким и покатым лбом, широким и плоским лицом (однако менее плоским, чем древние серии Забайкалья, Якутии, Тихоокеанского побережья Евразии) со средней или большой его высотой, среднешироким носовым отверстием и умеренной уплощенностью носовых косточек.

Вопрос о расогенезе морфологического комплекса неолитических краниологических материалов из Прибайкалья стал предметом дискуссии, которая не закрыта до настоящего времени. Одними исследователями он трактовался как продукт метисации монголоидных и европеоидных антропологических компонентов [Левин, 1956; 1958, с. 155–177; Мамонова, 1973; 1980; Алексеев, Мамонова, 1988; Алексеев, Трубникова, 1984, с. 109], другими был отнесен к недифференцированной антропологической формации, население которой могло быть исходным для всей Сибири [Рычков, 1969; Мовсесян, 1973].

Краниологический комплекс байкальской группы антропологических типов составляют малая высота черепа, узкий и наклонный лоб, широкое, высокое, плоское, ортогнатное лицо, широкое носовое отверстие, плоская спинка носа и слабое выступание носовых костей над линией общего профиля лица. К соматологическим особенностям относятся светлая по монголоидному масштабу пигментация кожи, глаз, волос и относительная мягкость волос головы. Его ареал простирается от Байкала до Приморья. Учитывая все краниологические и соматологические комбинации, объединяемые в варианты байкальской расы [Дебец, 1951, с. 78–79; Рычков, 1961], следует признать ее чрезвычайную полиморфность.

* Н.Н. Мамонова, опубликовавшая антропологические характеристики двух последних черепов, опиралась на датировку, данную А.П. Окладниковым по аналогии с Прибайкальскими погребениями, что не означает, по ее мнению, синхронности прибайкальских и забайкальских культур.

Таблица 3
Краниометрические характеристики неолитического палеоантропологического материала из Северо-Восточной Сибири и Забайкалья

Признаки	Помазкинo-III		Вилыское шоссе [Дьяконов и др., 2003]		Каменка-II, череп 2 (ребенок 6-7 лет)* [Шапакова, 2001]		Родника-II [Тохран, Томтосова, 1992]		Толгой-II [Мамонова, 1957]		Могохон [Мамонова, 1957]		Хамнигота [Мамонова, 1957]		Онгули, погр. 2 [Тохран, 1980]		Бухсан, мор. 3 [Тохран, Томтосова, 1992]		Ара-Киреть [Тохран, 1980]		Кердуген [Чикишева, Поздняков, 2006]		Дринт-Юрх** [Тохран, Томтосова, 1992]		Туй-Хая [Дубец, 1956]		Шилка [Левин, 1953]	
	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.?	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
1. Продольный диаметр	166,0	181,0	170,8	187,0	175,0	172,0	181,0	170,0	167,0	174,0	193,0	187,8(5)	188,0	190,0														
8. Поперечный диаметр	133,0	—	135,2	138,0	139,0	138,0	141,0	137,0	143,0	136,0	148,0	153,0(5)	157,0	143,0														
8.1. Черепной указатель	80,1	—	79,2	73,8	79,4	80,2	77,9	80,6	85,6	78,2	76,7	81,5(5)	83,5	75,3														
17. Высотный диаметр от базиса	123,0	—	—	132,0	137,0	—	121,0	126,0	116,0	124,0	142,0	132,0(4)	131,0	122,0														
20. Высотный диаметр от порионов	108,0	118,0	106,6	117,0	120,0	107,0	103,0	110,0	110,0	105,0	122,0	121,2(5)	112,0	104,0														
5. Длина основания черепа	99,0	—	—	105,0	97,0	—	98,0	98,0	94,0	96,0	107,0	105,5(4)	109,0	—														
9. Наименьшая ширина лба	87,2	86,0	90,7	96,0	88,0	97,0	84,0	88,0	77,0	85,0	93,7	98,8(6)	102,0	95,1														
10. Наибольшая ширина лба	110,0	—	113,9	115,0	116,0	117,0	107,0	111,0	113,0	112,0	118,0	123,8(4)	—	—														
9-8. Лобно-поперечный указатель	65,6	—	67,1	69,6	63,3	70,3	59,6	64,2	53,8	62,5	63,3	65,0(5)	65,0	66,5														
29. Лобная хорда	112,0	—	106,9	—	116,0	117,0	107,0	—	—	—	—	120,6(5)	—	—														
30. Теменная хорда	99,0	108,0	104,7	—	110,0	103,0	89,0	—	—	—	—	99,6(5)	—	—														
31. Затылочная хорда	86,0	97,0	88,9	—	99,0	—	110,0	—	—	—	—	102,5(4)	—	—														
25. Сагиттальная дуга	338,0	355,0	341,3	353,0	368,0	—	345,0	—	—	—	391,0	377,5(4)	—	—														
26. Лобная дуга	125,0	125,0	122,3	122,0	126,0	122,0	116,0	—	—	—	129,0	138,8(5)	—	—														
27. Теменная дуга	112,0	118,0	116,8	118,0	124,0	115,0	94,0	—	—	—	137,0	107,8(5)	—	—														
28. Затылочная дуга	101,0	112,0	104,8	113,0	115,0	—	135,0	—	—	—	125,0	128,8(4)	—	—														
26:25. Лобно-сагиттальный указатель	37,0	35,2	35,8	34,6	34,8	—	33,6	—	—	—	33,0	36,9(3)	—	34,2														
27:25. Теменно-сагиттальный указатель	33,1	33,2	34,2	33,4	33,7	—	27,2	—	—	—	35,0	28,6(3)	—	32,6														
28:25. Затылочно-сагиттальный указатель	29,9	31,5	30,7	32,0	31,2	—	39,1	—	—	—	32,0	34,6(3)	—	33,1														
28:27. Затылочно-теменной указатель	90,2	94,9	89,7	95,8	92,7	—	143,6	—	—	—	91,2	121,3(3)	—	101,8														

Признаки	Помазкино-III	Вилньонское шоссе [Дьяконов и др., 2003]	Каменка-II, череп 2 (ресток 6-7 лет)* [Штакова, 2001]	Родника-II [Тохран, Томтосова, 1992]	Толгой-II [Мамонова, 1957]	Мотсохон [Мамонова, 1957]	Хамнигота [Мамонова, 1957]	Онкли, пор. 2 [Тохран, 1980]	Бухусан, мор.3 [Тохран, Томтосова, 1992]	Ара-Киреть [Тохран, 1980]	Кярютген [Чикишева, Поздняков, 2006]	Лиринт-Юрах** [Тохран, Томтосова, 1992]	Туй-Хая [Лебец, 1956]	Шитка [Левин, 1953]
Угол поперечного изгиба лба	145,8	144,4	-	140,0	-	-	-	-	-	-	141,4	137(5)	-	-
43. Верхняя ширина лица	103,0	102,0	100,1	-	98,0	105,0	109,0	101,0	94,0	99,0	-	111,4 (5)	-	-
45. Скуловой диаметр	123,0	-	126,3	139,0	123,0	128,0	136,0	129,0	127,0	127,0	148,0	147,8(5)	152,0	142,0
45:8. Горизонтальный фацио-церебральный указатель	92,5	-	93,4	100,7	88,5	92,8	96,4	94,2	88,8	93,4	100,0	96,7(5)	96,8	99,3
9:45. Лбно-скуловой диаметр	70,8	-	71,8	69,1	71,5	75,8	61,8	68,2	60,6	66,9	63,3	67,3 (5)	67,1	67,0
40. Длина основания лица	91,0	-	-	105,0	95,0	-	98,0	97,0	89,0	100,0	105,0	104(3)	108,0	-
40:5. Указатель выступания лица	91,9	-	-	100,0	97,9	-	100,0	99,0	94,7	104,2	98,1	98,1(3)	99,1	-
48. Верхняя высота лица	69,0	73,0?	76,4	74,0	70,0	71,0	73,0	72,0	69,0	70,0	80,0	80,0(5)	71,0	83,0
48:45. Верхний лицевой указатель	56,1	-	60,5	53,2	57,7	55,5	53,7	55,8	54,3	55,1	54,1	54,1 (5)	46,7	58,5
48:17. Вертикальный фацио-церебральный указатель	56,1	-	-	56,1	51,8	-	60,3	57,1	59,5	56,5	56,3	61,2(4)	54,2	68,0
60. Длина альвеолярной дуги	43,0	53,0	-	52,0	50,0	-	55,0	-	-	-	-	53,0 (2)	-	-
55. Высота носа	51,0	-	53,4	54,0	50,0	53,0	53,0	50,0	51,0	50,0	58,6	60,3(4)	53,0	61,0
54. Ширина носа	24,0?	24,0	24,7	22,0	25,0	26,0	28,0	24,0	27,0	24,0	29,4	26,8(4)	27,9	27,0
51a. Ширина орбиты от d	40,8	-	-	-	38,8	-	41,0	39,0	37,5	39,0	-	-	-	-
52. Высота орбиты	36,0	-	33,5	40,0	34,0	37,0	36,0	34,0	34,0	32,0	37,4	35,1(5)	30,1	35,0
Назomalярный угол	149,4	156,5	147,7	141,8	147,0	146,0	146,0	152,6	157,0	155,0	147,4	145,0(5)	149,0	148,0
32. Угол профиля лба от назиона	67,0?	-	-	82,0	84,0	77,0	72,0	80,0	87,0	89,0	84,0	79,0(5)	77,0	78,0
GM/FH. Угол профиля лба от глабеллы	64,0?	-	-	-	78,0	75,0	65,0	-	-	-	72,0	-	-	-
72. Общий угол профиля лица	92,0	-	-	84,0	86,0	84,0	88,0	85,0	94,0	81,0	83,0	89,0(4)	88,0	86,0
FC. Глубина кльковой ямки	6,4	-	-	-	0,5	2,5	0,0	-	-	-	-	-	-	-

* Реконструированные «взрослые» размеры; ** В скобках – число черепов.

Генезис центральноазиатской группы антропологических типов, выделенной и охарактеризованной А.И. Ярхо [1947, с. 124–125], не трактуется однозначно. Современными носителями центральноазиатского комплекса признаков являются монголоязычные и тюркоязычные народы Восточной Сибири и Центральной Азии. И.И. Гохман [1980] предполагал, что ведущим фактором формирования его краниологических особенностей является метисация монголоидного и европеоидного антропологических компонентов, протекающая на протяжении как минимум трех тысячелетий и завершившаяся около пяти-четырёх столетий назад. В эпоху неолита, бронзы, раннего железа европеоиды были широко распространены во внутренних районах Азии. Монголоидный же компонент возведен ученым к байкальской расе.

Гипотеза И.И. Гохмана основана на данных по морфологии черепа, основными чертами которой у центральноазиатских монголоидов и байкальских антропологических типов являются большие поперечные диаметры мозгового отдела, крупное, ортогнатное, уплощенное лицо. По сравнению с байкальским краниологическим комплексом центральноазиатский имеет более высокий и более брахикранный череп, более моделированный носовой отдел. Однако такие важные соматологические признаки, как темная пигментация кожи, глаз и волос, прямая форма и тугая структура волос головы центральноазиатских монголоидов, противоречат этой гипотезе.

В.П. Алексеев [1974, с. 194], апеллируя к гипотезе Г.Ф. Дебеца [1951, с. 96] о существовании древней формы азиатского расового ствола, обусловившей близость краниологических комплексов центральноазиатского и байкальского типа, предположил конвергентное возникновение обоих в рамках североазиатской расы более высокого таксономического уровня. По мнению этого исследователя, морфологический комплекс центральноазиатского типа сформировался в степных и полупустынных районах Монголии и Забайкалья, а байкальское сочетание признаков – на широкой территории в таежной зоне Центральной и Восточной Сибири, включающей Забайкалье, бассейн Верхнего и Среднего Амура и частично Приморье [Алексеев, 1974, с. 195].

Представители арктической группы антропологических типов занимают территории на крайнем северо-востоке Сибири. Их морфологический комплекс хорошо идентифицируется краниологически (высокий череп, большие диаметры плоского лица, склонность к прогнатизму, узкое носовое отверстие) и соматологически (сравнительно темная пигментация кожи, очень темная пигментация волос и глаз, максимальная жесткость волос головы, ослабление монголоидных особенностей верхнего века). Очаг формирования арктического сочетания антропологических признаков локализован на сибирском отрезке Тихоокеанского побережья южнее его современного ареала и реконструируется как теоретически [Алексеев, 1974, с. 187; Дебец, 1986], так и на палеоантропологических материалах древностью 5–7 тыс. л.н. [Попов и др., 1997, с. 38, 67–79].

Все черепа, имеющие сходство с находками из захоронений на Средней Колыме, происходят из памятников конца III – начала II тыс. до н.э. Погребения расположены в бассейне среднего течения Селенги (в контексте географического районирования это особый природный округ Забайкалья – Селенгинское среднегорье) и микрорайона Еравнинских озер на Витимском плоскогорье. В климатическом, почвенном и ботаническом отношении эти территории обладают большим сходством с северной лесостепной частью Монголии, чем с таежно-гольцовыми горами Прибайкалья, таежными

лиственничными увалами и заболоченными, покрытыми ерниками котловинами Витимского плоскогорья [Преображенский и др., 1959, с. 170–173; Фадеева, 1961, с. 3]. Можно предполагать, что в силу природно-экологических факторов этногенетические связи древнего среднеселенгинского населения не были направлены к его ближайшим соседям – носителям культур Западного Забайкалья. Об этом свидетельствуют различия в их антропологических комплексах. Но на расстоянии почти двух тысяч километров к северу у представителей неолитической культуры Средней Колымы мы обнаруживаем практически идентичную среднеселенгинской комбинацию краниологических признаков. Любопытно, что на обеих территориях эта комбинация встречается только на женских черепах. Объяснить такой феномен можно, допустив существование межпопуляционных контактов, которые заключались, в том числе, и в структуре брачных связей, обусловивших селективную миграцию женского контингента популяций либо на Селенгу со Средней Колымы, либо в противоположном направлении.

Что касается отнесения данного краниологического комплекса к какому-либо из кластеров в рамках общепринятой классификации монголоидных антропологических типов Восточной Сибири, то, исходя из полиморфности байкальского антропологического типа, можно предположить, что он включал и такой локальный вариант.

Заключение

Проведенный нами детальный антропологический анализ останков скелета молодой женщины из погребения 2 ымыяхтахской культуры на могильнике Помазкино-III позволил сделать предположения об ее антропологическом типе и найти аналогии данному морфологическому комплексу среди краниологических материалов Восточной Сибири. Однозначно можно констатировать его принадлежность к монголоидной расе. Учитывая территориальную приуроченность анализируемой находки и наиболее близких ей по краниологическим особенностям палеоантропологических материалов, совпадающую с ареалом байкальской группы антропологических типов, мы сочли возможным отнести его к этой группе, отличающейся чрезвычайной полиморфностью. По одонтологическим характеристикам женщина из Помазкино-III сближается с индивидами из памятника Каменка-II, который также расположен в среднем течении Колымы. Данный одонтологический комплекс отличается морфологическим своеобразием на фоне других известных нам представителей ымыяхтахской культуры. Реконструированные «взрослые» размеры детского черепа 2 из погребения на стоянке Каменка-II, идентифицированного как женский, складываются в такой же краниологический комплекс, который определяет специфику женского черепа из Помазкино-III.

Сходная комбинация краниологических особенностей обнаружена на черепах из погребений конца III – начала II тыс. до н.э., в погребениях, значительно удаленных в пространственном отношении – расположенных в бассейне среднего течения Селенги (одонтологические особенности погребенных в среднеселенгинских комплексах не описаны). Поскольку на обеих территориях сходную морфологию имеют только женские черепа, мы допустили существование межпопуляционных контактов, относящихся, в частности, к структуре брачных связей, обусловивших обмен женским контингентом среднеселенгинских и среднеколымских популяций. Реальность индивидуальной мобильности женской части популяций в древности продемонстрирована, в частности, по результатам генетического и изотопного анализа для популяций эпохи бронзы с территории Южной Германии [Knipper et al., 2017].

Изучение проявлений патологических процессов, выявленных на черепе и позвонках женщины из Помазкино-III, дало нам основание для реконструкции их этиологии. Ключевой причиной воспалений, следы которых обнаружены нами на костях черепа, является спондилолиз L5, инициировавший перенапряжение по всей задней линии мышц спины. Можно предположить также повышенную функциональную активность правой стороны тела, приведшую к деформации позвонков шейного отдела, предрасположенность к формированию заболеваний правой стороны тела, а в кинезиологическом отношении – к выбору ограничивающих движений, исключающих длительное сидение и ходьбу по пересеченной местности, предполагающую прыжки, карабкание, резкие наклоны туловища.

Гипертрофированное развитие рельефа на плечевых костях в местах прикрепления мышц пояса верхних конечностей, груди и спины, а на лопатке и ключице – в местах прикрепления связочного аппарата – может наблюдаться у лиц, длительное время выполняющих работу, связанную с постоянным напряжением на вытянутые и поднятые руки. Вероятно, в занятия охотой и рыболовством, являвшимися основой жизнеобеспечения помазкинской популяции [Кашин, 1997, с. 44–45], были вовлечены с юных лет женщины. Приемами охоты, которые создавали бы такое напряжение, могло являться владение арканом и копьем (наконечник копья обнаружен в погребении) [Кашин, 1997, с. 26].

Библиографический список

- Алексеев А.Н. Древняя Якутия: неолит и эпоха бронзы. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1996. 143 с.
- Алексеев А.Н., Дьяконов В.М. Радиоуглеродная хронология культур неолита и бронзового века Якутии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. №3 (39). С. 26–40.
- Алексеев А.Н., Черосов Н.М. Археология Якутии (каменный век): учеб. пособие. Якутск: Изд-во Якутского гос. ун-та, 1990. 104 с.
- Алексеев В.П. География человеческих рас. М.: Мысль, 1974. 352 с.
- Алексеев В.П., Мамонова Н.Н. Палеоантропологические материалы последних веков до нашей эры и тюркского времени с территории Северо-Западного Алтая // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири. Новосибирск: Наука, 1988. С. 3–21.
- Алексеев В.П., Трубникова О.Б. Некоторые проблемы таксономии и генеалогии азиатских монголоидов. Новосибирск: Наука, 1984. 129 с.
- Бравина Р.И., Дьяконов В.М., Колбина Е.Ю., Петров Д.М. К вопросу о ритуально потревоженных захоронениях якутов (XVII–XVIII вв.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. №2 (33). С. 86–96.
- Бужилова А.П. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека: Методика биологических исследований. М.: Старый Сад, 1998. С. 147–150.
- Волков П.В. Опыт эксперимента в археологии. СПб.: Нестор-История, 2013. 416 с.
- Гохман И.И. Происхождение центральноазиатской расы // Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. Л.: Наука, 1980. С. 5–34.
- Гохман И.И., Томтосова Л.Ф. Антропологические исследования неолитических могильников Диринг-Юрях и Родинка // Археологические исследования в Якутии. Новосибирск: Наука, 1992. С. 105–124.
- Давыдова М.И., Каменский А.И., Неклюдова Н.П., Тушинский Г.К. Физическая география СССР. М.: Просвещение, 1966. 848 с.
- Дебец Г.Ф. Палеоантропологии СССР // ТИЭ. Новая серия. М.: АН СССР, 1948. Т. IV. 392 с.
- Дебец Г.Ф. Антропологические исследования в Камчатской области // ТИЭ. Новая серия. М.: АН СССР, 1951. Т. VII. 264 с.

- Дебец Г.Ф. Древний череп из Якутии // КСИЭ. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Вып. 25. С. 60–63.
- Дебец Г.Ф. Палеоантропология древних эскимосов (Ипиутак и Тигара) // Этнографические связи народов севера Азии и Америки по данным антропологии. М.: Наука, 1986. С. 6–148.
- Дьяконов В.М., Шпакова Е.Г., Чикишева Т.А., Поздняков Д.В. Погребение Вилюйское шоссе в Якутске: палеоантропологические характеристики и предварительная датировка // Древние культуры Северо-Восточной Азии. Астроархеология и палеоинформатика. Новосибирск: Наука, 2003. С. 65–90.
- Зубов А.А. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1968а. 199 с.
- Зубов А.А. Некоторые данные одонтологии к проблеме эволюции человека и его рас // Проблемы эволюции человека и его рас. М.: Наука, 1968б. С. 5–123.
- Ивашина Л.Г. Неолит и энеолит лесной зоны Бурятии. Новосибирск: Наука, 1979. 169 с.
- Кашин В.А. Неолитическое захоронение детей на Средней Колыме // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. №2 (6). С. 78–81.
- Кашин В.А. Неолит Средней Колымы. Новосибирск: Наука, 2013. 224 с.
- Кашин В.А., Калинина В.В. Помазкинский археологический комплекс как часть циркумполярной культуры. Якутск: Северовед, 1997. 112 с.
- Кистенёв С.П. Новые археологические памятники бассейна Колымы // Новое в археологии Якутии: труды Приленской археологической экспедиции. Якутск: Якутский филиал СО АН СССР, 1980. С. 74–87.
- Кистенёв С.П. Родинское неолитическое захоронение и его значение для реконструкции художественных и эстетических возможностей человека в условиях Крайнего Севера // Археологические исследования в Якутии. Новосибирск: Наука, 1992. С. 68–83.
- Левин М.Г. Древний череп с р. Шилки // КСИЭ АН СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1953. Вып. 18. С. 69–75.
- Левин М.Г. Антропологический материал из Верхоленинского могильника // Антропологический сборник I. ТИЭ. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 33. С. 299–339.
- Левин М.Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 360 с.
- Мамонова Н.Н. Новые находки неолитических черепов в Забайкалье // Записки Бурят-Монгольского НИИ культуры. 1957. Вып. XXIII. С. 118–135.
- Мамонова Н.Н. К вопросу о древнем населении Приангарья по палеоантропологическим данным // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.: Наука, 1973. С. 18–28.
- Мамонова Н.Н. Древнее население Ангары и Лены в серовское время по данным антропологии (к вопросу о межгрупповых различиях в эпоху неолита) // Палеоантропология Сибири. М.: Наука, 1980. С. 64–88.
- Мовсесян А.А. Некоторые аспекты популяционной генетики современного и древнего населения Сибири // Вопросы археологии. М.: Изд-во МГУ, 1973. Вып. 45. С. 77–84.
- Мочанов Ю.А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 1977. 263 с.
- Мочанов Ю.А., Федосеева С.А., Алексеев А.Н., Козлов В.И., Кочмар Н.Н., Щербакова Н.М. Археологические памятники Якутии. Бассейны Алдана и Олекмы. Новосибирск: Наука, 1983. 392 с.
- Неолит Северной Евразии. М.: Наука, 1996. 397 с.
- Пашкова В.И., Резников Б.Д. Судебно-медицинское отождествление личности по костным останкам. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1978. 320 с.
- Питулько В.В. Жоховская стоянка. СПб.: «Дмитрий Буланин», 1998. 187 с.
- Питулько В.В. Голоценовый каменный век Северо-Восточной Азии // Естественная история российской восточной Арктики в плейстоцене и голоцене. СПб.: ГЕОС, 2003. С. 99–151.
- Питулько В.В., Павлова Е.Ю., Никольский П.А., Иванова В.В. Янская стоянка: материальная культура и символическая деятельность верхнепалеолитического населения Сибирской Арктики // Российский археологический ежегодник. 2012. №2. С. 33–102.
- Попов А.Н., Чикишева Т.А., Шпакова Е.Г. Бойсманская археологическая культура Южного Приморья. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. 96 с.

Преображенский В.С., Фадеева Н.В., Мухина Л.И., Томилов Г.М. Типы местности и природное районирование Бурятской АССР. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 219 с.

Рейнберг С.А. Рентгенодиагностика заболеваний костей и суставов. М.: Изд-во Медгиз, 1955. 640 с.

Рогинский Я.Я. Материалы по антропологии тунгусов Северного Прибайкалья // Антропологический журнал. 1934. Вып. 3. С. 105–126.

Рычков Ю.Г. Материалы по антропологии западных тунгусов // Антропологический сборник III. ТИЭ. М.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. 71. С. 242–268.

Рычков Ю.Г. Некоторые популяционно-генетические подходы к антропологии Сибири // Вопросы археологии. М.: Изд-во МГУ, 1969. Вып. 33. С. 16–33.

Фадеева Н.В. Селенгинское среднегорье (физико-географическая характеристика): автореф. ... канд. геогр. наук. М.: Изд-во МГУ, 1961. 19 с.

Федосеева С.А. Ымьяхтахская культура Северо-Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 1980. 224 с.

Чикишева Т.А., Поздняков В.Д. Антропологическое исследование ымьяхтахского воина из местности Кёрдюген // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. Т. XII. С. 234–240.

Шпакова Е.Г. Антропологическая характеристика детского погребения позднеэнеолитического времени со стоянки Каменка-II // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. №2 (6). С. 140–153.

Ярхо А.И. Алтае-Саянские тюрки: антропологический очерк. Абакан: Хакасское областное кн. изд-во, 1947. 148 с.

Knipper C., Mitnik A., Massy K., Kociumaka C., Kucukkalipci I., Maus M., Fabian Wittenborn, Metz S.E., Staskiewicz A., Krause J., Stockhammer P.W. Female exogamy and gene pool diversification at the transition from the Final Neolithic to the Early Bronze Age in central Europe // Published online before print September 5, 2017, doi:10.1073/pnas.1706355114, PNAS September 5, 2017: <http://www.pnas.org/content/early/2017/08/29/1706355114>

References

Alekseev A.N. Drevnjaja Jakutija: neolit i jepoha bronzy [Ancient Yakutia: the Neolithic and the Bronze Age]. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arheologii i jetnografii SO RAN, 1996. 143 p.

Alekseev A.N., D'jakonov V.M. Radiouglerodnaja hronologija kul'tur neolita i bronzovogo veka Jakutii [Radiocarbon Chronology of Neolithic and Bronze Age Cultures of Yakutia]. Arheologija, jetnografija i antropologija Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2009. №3 (39). Pp. 26–40.

Alekseev A.N., Cherosov N.M. Arheologija Jakutii (kamennyj vek): uceb. Posobie [Archaeology of Yakutia (the Stone Age): Textbook]. Jakutsk: Izd-vo Jakutskogo gos. un-ta, 1990. 104 p.

Alekseev V.P. Geografija chelovecheskih ras [Geography of Human Races]. M.: Mysl', 1974. 352 p.

Alekseev V.P., Mamonova N.N. Paleoantropologicheskie materialy poslednih vekov do nashej jery i tjurkskogo vremeni s territorii Severo-Zapadnogo Altaja [Paleoanthropological Materials of the Last Centuries BC and Turkic Time from the Territory of the North-Western Altai]. Paleoantropologija i arheologija Zapadnoj i Juzhnoj Sibiri [Paleoanthropology and Archaeology of Western and Southern Siberia]. Novosibirsk: Nauka, 1988. Pp. 3–21.

Alekseev V.P., Trubnikova O.B. Nekotorye problemy taksonomii i genealogii aziatskih mongoloidov [Some Problems of Taxonomy and Genealogy of Asian Mongoloids]. Novosibirsk: Nauka, 1984. 129 p.

Bravina R.I., D'jakonov V.M., Kolbina E.Ju., Petrov D.M. K voprosu o ritual'no potrevozhennyh zahoronenijah jakutov (XVII–XVIII vv.) [On the Issue of Ritually Disturbed Burials of the Yakuts (17th–18th Centuries)]. Vestnik arheologii, antropologii i jetnografii [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography]. 2016. №2 (33). Pp. 86–96

Buzhilova A.P. Paleopatologija v bioarheologicheskikh rekonstrukcijah [Paleopathology in Bioarchaeological Reconstructions]. Istoricheskaja jekologija cheloveka: Metodika biologicheskikh issledovanij [Historical Ecology of the Human: Methodology of Biological Research]. M.: Staryj Sad, 1998. Pp. 147–150.

Volkov P.V. Opyt eksperimenta v arkhologii [Experiment in Archaeology]. SPb.: Nestor-Istoriya, 2013. 416 p.

Gokhman I.I. Proiskhozhdenie tsentral'noaziatskoy rasy [The Origin of the Central Asian Race]. Issledovaniya po paleoantropologii i kranologii SSSR [Studies in Paleoanthropology and Craniology of the USSR]. L.: Nauka, 1980. Pp. 5–34.

Gokhman I.I., Tomtosova L.F. Antropologicheskie issledovaniya neoliticheskikh mogil'nikov Diring-Yuryakh i Rodinka [Anthropological studies of Neolithic Burial Grounds Deering-Yuryakh and Rodinka]. Arkheologicheskie issledovaniya v Yakutii [Archaeological Researches in Yakutia]. Novosibirsk: Nauka, 1992. Pp. 105–124

Davydova M.I., Kamenskiy A.I., Neklyudova N.P., Tushinskiy G.K. Fizicheskaya geografiya SSSR [Physical Geography of the USSR]. M.: Prosveshchenie, 1966. 848 p.

Debets G.F. Paleoantropologii SSSR [Paleoanthropology of the USSR]. TIE. Novaya seriya [TIE. New Series]. M.: AN SSSR, 1948. Vol. IV. 392 p.

Debets G.F. Antropologicheskie issledovaniya v Kamchatskoy oblasti [Anthropological Research in the Kamchatka Region]. TIE. Novaya seriya [TIE. New Series]. M.: AN SSSR, 1951. Vol. VII. 264 p.

Debets G.F. Drevniy cherep iz Yakutii [Ancient Skull from Yakutia]. KSIE. M.: Izd-vo AN SSSR, 1956. Issue 25. Pp. 60–63.

Debets G.F. Paleoantropologiya drevnikh eskimosov (Ipiutak i Tigara) [Paleoanthropology of the Ancient Eskimos (Ipiutak and Tigar)]. Etnograficheskie svyazi narodov severa Azii i Ameriki po dannym antropologii [Ethnographic Connections of the Peoples of the North of Asia and America According to Anthropology]. M.: Nauka, 1986. Pp. 6–148.

D'yakonov V.M., Shpakova E.G., Chikisheva T.A., Pozdnyakov D.V. Pogrebenie Vilyuyskoe shosse v Yakutske: paleoantropologicheskie kharakteristiki i predvaritel'naya datirovka [Burial Vilyuiskoye Highway in Yakutsk: Paleoanthropological Characteristics and Preliminary Dating]. Drevnie kul'tury Severo-Vostochnoy Azii. Astroarkheologiya i paleoinformatika [Ancient Cultures of Northeast Asia. Astroarchaeology and Paleoinformatics]. Novosibirsk: Nauka, 2003. Pp. 65–90.

Zubov A.A. Metodika antropologicheskikh issledovaniy [Methodology of Anthropological Research]. M.: Nauka, 1968a. 199 p.

Zubov A.A. Nekotorye dannye odontologii k probleme evolyutsii cheloveka i ego ras [Some Data of Odontology to the Problem of the Evolution of the Human and His Races]. Problemy evolyutsii cheloveka i ego ras [Problems of the Evolution of the Human and his Races]. M.: Nauka, 1968b. Pp. 5–123.

Ivashina L.G. Neolit i eneolit lesnoy zony Buryatii [Neolithic and Eneolithic Forest Zone of Buryatia]. Novosibirsk: Nauka, 1979. 169 p.

Kashin V.A. Neoliticheskoe zakhronenie detey na sredney Kolyme [Neolithic Burial of Children in the Middle Kolyma]. Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2001. №2 (6). Pp. 78–81.

Kashin V.A. Neolit Sredney Kolymy [Neolithic of the Middle Kolyma]. Novosibirsk: Nauka, 2013. 224 p.

Kashin V.A., Kalinina V.V. Pomazkinskiy arkhologicheskiy kompleks kak chast' tsirkumpolyarnoy kul'tury [Pomazkinsky Archaeological Complex as a Part of Circumpolar Culture]. Yakutsk: Severoved, 1997. 112 p.

Kistenev S.P. Novye arkhologicheskie pamyatniki basseyna Kolymy [New Archaeological Monuments of the Kolyma Basin]. Novoe v arkhologii Yakutii: trudy Prilenskoy arkhologicheskoy ekspeditsii [New in Archaeology of Yakutia: Proceedings of the Prilenskoye Archaeological Expedition]. Yakutsk: Yakutskiy filial SO AN SSSR, 1980. Pp. 74–87.

Kistenev S.P. Rodinskoe neoliticheskoe zakhronenie i ego znachenie dlya rekonstruktsii khudozhestvennykh i esteticheskikh vozmozhnostey cheloveka v usloviyakh Kraynego Severa [Rodino Neolithic Burial and its Importance for the Reconstruction of Art and Aesthetic Capabilities of the Human in the Far North]. Arkheologicheskie issledovaniya v Yakutii [Archaeological Researches in Yakutia]. Novosibirsk: Nauka, 1992. Pp. 68–83.

Levin M.G. Drevniy cherep s r. Shilki [Ancient Skull from the Shilki Village]. KSIE AN SSSR [KSIE of the Academy of Sciences of the USSR]. M.: Izd-vo AN SSSR, 1953. Issue 18. Pp. 69–75.

Levin M.G. Antropologicheskiy material iz Verkholsenskogo mogil'nika [Anthropological Material from the Verkholsensky Burial Ground]. Antropologicheskiy sbornik I. TIE [Anthropological Collection I. TIE]. M.: Izd-vo AN SSSR, 1956. Vol. 33. Pp. 299–339.

Levin M.G. Etnicheskaya antropologiya i problemy etnogeneza narodov Dal'nego Vostoka [Ethnic Anthropology and Problems of the Ethnogenesis of the Peoples of the Far East]. M.: Izd-vo AN SSSR, 1958. 360 p.

Mamonova N.N. Novye nakhodki neoliticheskikh cherepov v Zabaykal'e [New Finds of Neolithic Skulls in Transbaikalia]. Zapiski Buryat-Mongol'skogo NII kul'tury. 1957. Vyp. XXIII [Notes of the Buryat-Mongolian Research Institute of Culture. 1957. Issue XXIII]. Pp. 118–135.

Mamonova N.N. K voprosu o drevnem naselenii Priangar'ya po paleoantropologicheskim dannym [To the Question of the Ancient Population of the Angara Region from Paleoanthropological Data]. Problemy arkhologii Urala i Sibiri [Problems of Archaeology of the Urals and Siberia]. M.: Nauka, 1973. Pp. 18–28.

Mamonova N.N. Drevnee naselenie Angary i Leny v serovskoe vremya po dannym antropologii (k voprosu o mezhrupponykh razlichiyakh v epokhu neolita) [Ancient Population of the Angara and Lena in Serov Time According to Anthropology (to the Question of Intergroup Differences in the Neolithic age)]. Paleoantropologiya Sibiri [Paleoanthropology of Siberia]. M.: Nauka, 1980. Pp. 64–88.

Movsesyan A.A. Nekotorye aspekty populyatsionnoy genetiki sovremennogo i drevnego naseleniya Sibiri [Some Aspects of Population Genetics of the Modern and Ancient Population of Siberia]. Voprosy arkhologii [Questions of Archaeology]. M.: Izd-vo MGU, 1973. Issue 45. Pp. 77–84.

Mochanov Yu.A. Drevneyshie etapy zaseleniya chelovekom Severo-Vostochnoy Azii [The Earliest Stages of the Settlement of the Human of Northeast Asia]. Novosibirsk: Nauka, 1977. 263 p.

Mochanov Yu.A., Fedoseeva S.A., Alekseev A.N., Kozlov V.I., Kochmar N.N., Shcherbakova N.M. Arkheologicheskie pamyatniki Yakutii. Basseyny Aldana i Olekmy [Archaeological Monuments of Yakutia. Basins of Aldan and Olekma]. Novosibirsk: Nauka, 1983. 392 p.

Neolit Severnoy Evrazii [Neolithic of Northern Eurasia]. M.: Nauka, 1996. 397 p.

Pashkova V.I., Reznikov B.D. Sudebno-meditsinskoe otozhdestvlenie lichnosti po kostnym ostankam [Forensic Identification of the Person by Bone Remains]. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1978. 320 p.

Pitul'ko V.V. Zhokhovskaya stoyanka [Zhokhov Site]. SPb: «Dmitriy Bulanin», 1998. 187 p.

Pitul'ko V.V. Golotsenovyy kamennyy vek Severo-Vostochnoy Azii [Holocene Stone Age of North-east Asia]. Estestvennaya istoriya rossiyskoy vostochnoy Arktiki v pleystotsene i golotsene [Natural History of the Russian Eastern Arctic in the Pleistocene and Holocene]. SPb.: GEOS, 2003. Pp. 99–151.

Pitul'ko V.V., Pavlova E.Yu., Nikol'skiy P.A., Ivanova V.V. Yanskaya stoyanka: material'naya kul'tura i simvolicheskaya deyatel'nost' verkhnepaleoliticheskogo naseleniya Sibirskoy Arktiki [Yang Parking: Material Culture and Symbolic Activity of the Upper Paleolithic Population of the Siberian Arctic]. Rossiyskiy arkhologicheskiy ezhegodnik [Russian Archaeological Yearbook]. 2012. №2. Pp. 33–102.

Popov A.N., Chikisheva T.A., Shpakova E.G. Boysmanskaya arkhologicheskaya kul'tura Yuzhnogo Primor'ya [Boisman Archaeological Culture of the South Primorye]. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arkhologii i etnografii SO RAN, 1997. 96 p.

Preobrazhenskiy V.S., Fadeeva N.V., Mukhina L.I., Tomilov G.M. Tipy mestnosti i prirodnoe rayonirovanie Buryatskoy ASSR [Types of Terrain and Natural Zoning of the Buryat ASSR]. M.: Izd-vo AN SSSR, 1959. 219 p.

Reynberg S.A. Rentgenodiagnostika zabolevaniy kostey i sustavov [X-ray Diagnosis of Diseases of Bones and Joints]. M.: Izd-vo MEDGIZ, 1955. 640 p.

Roginskiy Ya.Ya. Materialy po antropologii tungusov Severnogo Pribaykal'ya [Materials on the Anthropology of the Tungus of the Northern Baik Region]. Antropologicheskiy zhurnal [Anthropological Journal]. 1934. Issue. 3]. 1934. Pp. 105–126.

Rychkov Yu.G. Materialy po antropologii zapadnykh tungusov [Materials on the Anthropology of the Western Tungus]. Antropologicheskiy sbornik III. TIE [Anthropological Collection III. TIE]. M.: Izd-vo AN SSSR, 1961. Vol. 71. Pp. 242–268.

Rychkov Yu.G. Nekotorye populyatsionno-geneticheskie podkhody k antropologii Sibiri [Some Population-Genetic Approaches to the Anthropology of Siberia]. Voprosy arkhologii [Archaeology Questions]. M.: Izd-vo MGU, 1969. Issue 33. Pp. 16–33.

Fadeeva N.V. Selenginskoe srednegor'ye (fiziko-geograficheskaya kharakteristika): avtoref. ... kand. geogr. Nauk [Selenga Middle Mountains (Physico-Geographical Characteristics): Synopsis of the Dissertation ... Cand. Geogr. Science. M.: Izd-vo MGU, 1961. 19 p.

Fedoseeva S.A. Ymyakhtakhsкая kul'tura Severo-Vostochnoy Azii [Ymyakhtakh Culture of North-East Asia]. Novosibirsk: Nauka, 1980. 224 p.

Chikisheva T.A., Pozdnyakov V.D. Antropologicheskoe issledovanie ymyakhtakhsкого воина из местности Кердуген [Anthropological Study of the Ymyakhtakh Warrior from the Kirdugen Area]. Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 2006. Vol. XII. Pp. 234–240.

Shpakova E.G. Antropologicheskaya kharakteristika detskogo pogrebeniya pozdneneoliticheskogo vremeni so stoyanki Kamenka-II [Anthropological Characteristics of the Children's Burial of the Late Neolithic Time from the Kamenka-II Site]. Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2001. №2 (6). Pp. 140–153.

Yarkho A.I. Altae-Sayanskіe tyurki: antropologicheskіy ocherk [Altai-Sayan Turks: Anthropological Essay]. Abakan: Khakasskoe oblastnoe kn. izd-vo, 1947. 148 p.

Knipper C., Mittnik A., Massy K., Kociumaka C., Kucukkalipci I., Maus M., Fabian Wittenborn, Metz S.E., Staskiewicz A., Krause J., Stockhammer P.W. Female Exogamy and Gene Pool Diversification at the Transition from the Final Neolithic to the Early Bronze Age in Central Europe // Published Online before Print September 5, 2017, doi:10.1073/pnas.1706355114, PNAS September 5, 2017: <http://www.pnas.org/content/early/2017/08/29/1706355114>

T.A. Chikisheva, A.V. Zubova, N.N. Rahimova, P.V. Volkov, D.V. Pozdnyakov

ANTHROPOLOGICAL RESEARCH OF THE NEOLITHIC BURIAL ON THE MONUMENT POMAZKINO-III (Middle Kolyma River)

A study of paleoanthropological material from the burial N2 of the complex Pomazkino-III located on the right bank of the Kolyma in its middle reaches was carried out. The site was attributed to the Imiyakhtakhsкая archaeological culture (C14 date is 3065 ± 65 BP). The attribution of the buried to the Mongoloid race is stated, description is given to the specific character of the complex of its craniological features. Analogies to this complex were found on female skulls from the burials of the end of the 3rd – beginning of the 2nd millennium BC, located in the basin of the middle stream of the Selenga, and on the reconstructed “adult” sizes on the skull of a girl from the Kamenka-II site (Kolyma middle). The possibility of its attribution to a particular anthropological type within the Baikal group is considered. The assumption is made about the admissibility of interpopulation contacts, which caused the exchange of the female contingent of the Middle Selenga and Middle Kolyma populations. The odontological complex of the middle Kolyma population of the Ymyakhtakhsкая culture also differs in its morphological diversity from other known representatives of it. Traces of pathological processes on the Pomazkino-III woman's skull and backbone have been revealed, their etiology has been reconstructed. The localization of enthesopathies on the bones of the postcranial skeleton testifies to the increased stresses on raised and stretched arms, what may be due to the involvement of women in the hunting and fishing (possession of a lance and lasso) from a young age.

Key words: Northeast Asia, Imiyakhtakhsкая culture, Baikal group of anthropological types, craniology, odontology, paleopathology.